

DOI: 10.31857/S013038640015059-2

© 2022 г. В.А. Аракчеев

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИСКАЛЬНО-МИЛИТАРИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рец. на книгу: З.В. Дмитриева, С.А. Козлов. НАЛОГИ И ВОЙНЫ В РОССИИ XVI–XVIII вв. СПб.: Историческая иллюстрация, 2020. 568 с.

Аракчеев Владимир Анатольевич – доктор исторических наук, директор Российского государственного архива древних актов (Москва, Россия).

E-mail: arakk@rambler.ru

Scopus Author ID: 26034273900; ORCID: 0000-0002-8389-3806; Researcher ID: L-1901-2016

V.A. Arakcheev

PROBLEMS OF THE STUDY OF THE FISCAL-MILITARISED STATE IN MODERN HISTORIOGRAPHY

Rec. ad op.: Z.V. Dmitrieva, S.A. Kozlov. TAXES AND WARS IN RUSSIA OF THE 16th–18th centuries. Saint-Petersburg: Historical Illustration, 2020. 568 p.

Vladimir Arakcheev, Russian State Archive of Ancient Acts (Moscow, Russia).

E-mail: arakk@rambler.ru

Scopus Author ID: 26034273900; ORCID: 0000-0002-8389-3806; Researcher ID: L-1901-2016

Новая монография З.В. Дмитриевой и С.А. Козлова вышла из печати к тому моменту, когда дискуссии вокруг проблемы «fiscal-military state» ушли в прошлое. Это большое преимущество, ибо по мере отдаления от периода «бури и натиска» есть возможность высказать более взвешенные оценки и учесть ошибки предшественников в изучении проблемы. С нашей точки зрения, авторы не смогли реализовать эту возможность в силу ряда причин, которые будут разобраны ниже. Прежде чем начать анализ достоинств и недостатков новой книги, следует обозначить наше отношение к сложившемуся в русском языке термину «военно-фискальное государство».

Именно так переводится на русский язык термин «fiscal-military state», однако в этом случае русскоязычный термин оказывается отягощен дополнительными коннотациями, предполагающими войну как результат фискальной деятельности. Между тем английский термин «fiscal-military state» подразумевает в первую очередь мероприятия по подготовке к войне, в том числе админи-

стративно-фискальные, и влияние войны на формирование государственного аппарата. Полагаем, что этот термин «fiscal-military state» следовало бы переводить на русский язык как «фискально-милитаризованное государство». Под последним мы подразумеваем выход государства на такую траекторию развития, когда его институты, и в первую очередь органы фиска, мобилизованы для извлечения ресурсов в целях возрастания оборонной мощи и перестраиваются в ходе войны для наиболее эффективного решения этой задачи.

Цели, которые поставили перед собой авторы монографии, многообразны: здесь и изучение влияния геополитических факторов на изменение налоговых форм и фискальных приоритетов государства, и исследование эволюции налогов и объектов обложения, и лишь на последнем месте стоит изучение «доли военных расходов в государственном бюджете России и европейских стран» (с. 6). Столь трудоемкие по исполнению задачи можно было бы решить, полностью использовав потенциал, накопленный предшествующими

историками, и введя в научный оборот новые материалы.

Однако масштаб и способы использования достижений предшествующей историографии в монографии З.В. Дмитриевой и С.А. Козлова весьма своеобразны. Представляя мнения историков, авторы зачастую пренебрегают анализом трудов классиков исторической науки. Особенно в этом смысле «не повезло» П.Н. Милокову, автору непревзойденной до сего времени книги о «государственном хозяйстве» России первой четверти XVIII в. Специалистам хорошо известно, что содержание книги Милокова намного шире заявленной темы; именно ему принадлежит приоритет в анализе данных о связи налоговой системы России с ее военными нуждами в XVII в. В рецензируемой монографии, однако, точка зрения Милокова упомянута лишь в связи со сбором пятинных денег в 1610-х годах (с. 108), а в дальнейшем ссылки на его труды встречаются лишь в разделе о войнах и налогах XVIII в.

В монографии отсутствует анализ подворной переписи 1646 г.; проигнорировано мнение Милокова и свидетельства источников о фискальном предназначении переписи наравне с обусловленными нуждами закрепощения и войны. Крайне неудачным следует признать анализ оборонной политики государства в середине XVII в. Вместо того чтобы изложить историю образования Новгородского, Севского и Белгородского разрядов (военных округов) в 1659–1663 гг., авторы перечисляют военные кампании и даже отдельные сражения Тринадцатилетней войны (с. 162–189). Между тем именно создание крупных военных округов на наиболее важных направлениях боевых действий, командование которых получило исключительные права по набору войск и расходованию средств на их содержание, было ключевым направлением развития военной организации России во второй половине XVII в.

Причина такого невнимания З.В. Дмитриевой и С.А. Козлова к труду Милокова, как представляется, состоит в том, что авторы сочли наиболее важным вклад Милокова в изучение петровских реформ, посчитав, что его исследованиями по истории финансов допетровской эпохи можно пренебречь. Это пренебрежение обернулось курьезнейшим просчетом: авторы обошли вниманием два важнейших открытия Милокова. Во-первых, в книге проигнорирована открытая Милоковым приходно-расходная роспись 1680 г., которую исследователи склонны считать первым документально оформленным бюджетом Русского госу-

дарства¹. Во-вторых, авторы не смогли представить убедительное объяснение финансовых успехов петровской администрации в первом десятилетии XVIII в. Детально исследуя постоянные и чрезвычайные налоги, натуральные повинности, монетную реформу и констатируя уменьшение фискальных поступлений в казну и рост недоимок (с. 218–232), авторы воздержались от характеристики состояния бюджета и причин его устойчивости до 1709 г. Между тем второе открытие Милокова заключалось в том, что по бюджетным росписям Ближней канцелярии он выявил основополагающий принцип, лежавший в основе бюджета страны в конце XVII – начале XVIII в. Текущие «сборы» налогов должны были «закрыть... за сборы» предыдущего года, т.е. перекрывать их, образуя бюджетный профицит. Уже в 1680 г. «остаток», перешедший в следующий 1681 г., составил более 407 тыс. руб., а к 1703 г. сумма профицита превысила 3366 тыс. руб. По мере исчерпания бюджетных «остатков» к 1709 г. профицит уменьшился до 1020 тыс. руб., чтобы исчезнуть в 1710 г., когда бюджет стал дефицитным². Именно ежегодный профицит от 3 до 1 млн руб. позволил правительству Петра I пройти самый сложный период Северной войны от Нарвы до Полтавы и добиться в ней перелома.

Подробно рассматривая фискальную политику Петра I, в том числе номенклатуру и суммы чрезвычайных налогов, авторы так и не смогли определить их удельный вес (с. 219–222). Между тем в предшествующей историографии уже был дан ответ на этот вопрос. Е.В. Анисимов показал, что в 1720–1723 гг. из общей суммы налогов в 13 млн руб. чрезвычайные составляли 7,5 млн, т.е. 57%, причем в 1721 г. из общей суммы 3450 тыс. руб. чрезвычайные составляли 2049 тыс. руб., или более 59%³. Умолчание авторов монографии о давно введенных в научный оборот данных не позволяет всерьез относиться к их построениям, касающимся финансовой истории петровских реформ.

Одним из серьезных пробелов монографии следует признать игнорирование авторами проблемы соотношения государственного налогообложения и владельческих повинностей. Указанная проблема была решена в классическом исследовании

¹ Милоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 71–77.

² Там же. С. 76, 176–182.

³ Анисимов Е.В. Налоги и повинности крестьян // История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. М., 1993. С. 166.

Ю.А. Тихонова, которое осталось неизвестным авторам рецензируемой монографии. Ю.А. Тихонов показал неуклонный рост владельческой ренты во второй половине XVII в. и его замедление в первой четверти XVIII в. Предложенное исследование объяснение состояло в том, что небывалый рост государственных налогов в первой четверти XVIII в., отвлечение из помещичьей деревни значительного числа рекрутов и рабочих рук положили «на некоторое время предел росту помещичьей эксплуатации»⁴. Выводы Тихонова до настоящего времени не опровергнуты, и пренебрежение ими существенно обеднило содержание рецензируемой монографии.

Частные наблюдения над материалом источников обобщены авторами в заключительном разделе монографии, где они попытались рассмотреть налоговую систему России «в контексте концепции военно-фискального государства». Способ такого сравнительно-исторического исследования был избран крайне неудачный: авторы вначале рассмотрели теоретические труды классиков исторической социологии (Ч. Тилли, Н. Элиаса) и современных историков, а затем привели примеры военно-фискальной эволюции ряда европейских государств (Англии, Франции, империи Габсбургов, Кастилии, Дании, Швеции) (с. 308–317). Идеи Ч. Тилли предстали в рецензируемой монографии в препарированном и даже искаженном виде: в частности, из обзора выпало важнейшее наблюдение Ч. Тилли, касающееся роли землевладельцев-феодалов в организации системы принуждения в Пруссии и России⁵. Это роковым образом сказалось на полном игнорировании авторами проблемы соотношения государственного налогообложения и владельческих повинностей, о чем уже говорилось выше.

За основу для сравнительно-исторического анализа авторы приняли концепцию монографии «Возникновение фискального государства в Европе, 1200–1815», основное внимание в которой уделено западноевропейским странам, чье военно-фискальное развитие в XVI–XVII вв. было эталонным (Испания, Франция), или тем, которые до середины XVII в. развивались иначе (Англия). Изложенная в упомянутой монографии концепция *fiscal-military state* содержала существенные пробелы: так, Р. Бонни мимоходом высказался за то, что даже применительно к Пруссии

эпохи средневековья следует избегать термина «государство»⁶. Справедливость этого утверждения применительно к эпохе средневековья тем не менее никак не распространяется на период Нового времени, ибо именно Пруссию времени правления Фридриха II следует признать идеальным типом или моделью «фискально-милитаризованного государства». Авторам осталась неизвестной коллективная монография под редакцией Б. Ян-Касалила и П.К. О'Брайн, в которой представлена несколько отличная от предшественников концепция. В ней, в частности, пристального внимания удостоилось королевство Пруссия второй половины XVII–XVIII в., систему управления в котором М. Норт охарактеризовал как «бранденбургско-пруссский фискальный абсолютизм»⁷.

Один из определяющих недостатков монографии состоит в том, что заявленное З.В. Дмитриевой и С.А. Козловым «влияние геополитических факторов на эволюцию налогов» показано путем одновременного перечисления войн, которые в это время вела Россия, и налогов, которые в это время взимались. В то же время авторы не предприняли попытки сопоставить военно-административный потенциал России и ее геополитических противников. Покажем, как осуществлено авторами их намерение на примере войн России с Турцией. В монографии военное противостояние с Турцией описывается начиная с Азовских походов 1695–1696 гг., но не упомянута ни война 1676–1681 гг., ни Крымские походы В.В. Голицына, которые, наряду с Азовскими походами, были частью войны 1687–1700 гг. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. упомянута в контексте чеканки монеты, строительства оборонительных линий и попыток правительства Анны Ивановны финансировать чрезвычайные расходы (с. 265–268), но не увязана с кампанией по сбору недоимок 1738–1739 гг. Более системно изложена финансовая история России периода русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг., хотя и в этом разделе преобладает не столько анализ фискальных мероприятий правительства (с. 303–307), сколько описание колонизации Северного Причерноморья (с. 279–303). Из монографии З.В. Дмитриевой и С.А. Козлова остается неизвестным уровень военно-административной состоятельности Османской империи. Между тем существующие исследования С. Памука показывают высокий

⁴ Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне в России: Феодалная рента в XVII–начале XVIII в. М., 1974. С. 303.

⁵ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009. С. 179.

⁶ The Rise of the fiscal state in Europe, 1200–1815. Oxford, 1999. P. 3.

⁷ The Rise of fiscal states: Global history 1500–1914. Cambridge, 2012. P. 157–159.

уровень ее доходов, которые в XVI в. превосходили доходы любой европейской страны за исключением Франции и Испании. Однако в XVII в. и особенно во второй половине XVIII в. доходы большинства европейских стран, включая Австрию и Россию, стремительно росли. В то же время доходы Османской империи стагнировали, что привело к катастрофическому ослаблению ее военной мощи⁸. Авторам не удалось создать динамическую модель взаимодействий между государствами-конкурентами, почему и предложенная ими концепция не обладает качествами объяснительной модели. В контексте вышеизложенного суждения авторов монографии о становлении «военно-фискального государства» в России с середины XVI до начала XVIII в. никак не вытекают из приведенного ими же материала. Рост военных расходов и интенсивность военных конфликтов сами по себе не могут быть показателями процесса становления нового типа государства.

Применение модели «фискально-милитаризованного государства» к истории России обусловлено целым рядом обстоятельств. Прежде всего наивно полагать, что общий методологический подход Ч. Тилли, суть которого состоит в отнесении России, наряду с Пруссией, к группе стран «интенсивного принуждения», может быть универсальным ключом к исследованию проблемы. Конкретные замечания Тилли о России разочаровывают своей неточностью: в допетровской России он находит лишь деятельность правителей по экспроприации земли в пользу верных им слуг, отмечает незначительную прибыль от таможенных пошлин и акцизов, а фискальную интенсификацию отсчитывает от введения подушного налога при Петре I⁹. Интересующая нас проблема не получила должного освещения и в цикле трудов американского русиста Р. Хелли. В его первой монографии, посвященной закреплению и военным реформам в допетровской России, «пороховой революции» уделено немало места, однако проблема финансирования военных изменений автором не рассматривалась: Хелли ограничился тем, что привел данные П.Н. Милюкова о росте военного бюджета России в XVII в.¹⁰

Р. Хелли крайне скептически отозвался о налоговой системе России XVII в., охарактери-

зовав ее как чрезмерно запутанную. Подсчитав существовавшие на протяжении XVII в. прямые и косвенные налоги, Хелли обнаружил около 280 различных сборов, свидетельствовавших, что правительство отчаянно стремилось найти источники доходов¹¹. Хотя коллективный труд западноевропейских и американских историков «Возникновение и развитие фискального государства в Европе, 1200–1815» стал весомым вкладом в изучение процессов фискальной мобилизации, раздел, посвященный России, «выпадает» из общей канвы рецензируемой монографии. Этот раздел, написанный Р. Хелли, содержит лишь общие сведения о фискальной системе России XVII в.: автор упоминает сборы пятинных денег, в том числе во время Смоленской войны, и со ссылкой на С.Б. Веселовского перечисляет ставки основных прямых налогов¹². В сущности, раздел о России не привнес ничего нового ни в фактическую основу, ни в методологию и компаративистику.

Поиск тенденций, сближающих Россию XVII–XVIII вв. с моделью «фискально-милитаризованного государства», может быть продуктивным прежде всего при исследовании сложных взаимодействий, отражающих интересы и потенциалы различных носителей власти. Очевидно, что применительно к Русскому государству XVI в. до ликвидации тарханов по постановлениям земских соборов 1580 и 1584 гг. о каких-либо новых тенденциях функционирования налоговой системы говорить преждевременно. Своего рода «ренессанс» имунитетной политики в годы патриаршества Филарета (1619–1633 гг.) также препятствовал формированию новых фискальных практик, которые могли утвердиться лишь после окончания Смоленской войны 1632–1634 гг. Второе обязательное условие изучения принципов работы российского государственного аппарата на предмет его соответствия модели фискально-милитаризованного государства должно заключаться в сопоставлении военно-административных систем стран, противостоявших друг другу на международной арене. Сопоставим положение вещей, которое сложилось в государствах, конфликтовавших на протяжении столетий, – России и Речи Посполитой.

В начале XVII в. король Сигизмунд III добился от сейма повышения налогов, и на войну с Россией в 1609–1618 гг. коронная казна выдала сумму

⁸ *Pamuk S.* The evolution of fiscal institutions in the Ottoman Empire // *The Rise of fiscal states.* P. 321–322.

⁹ *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009. С. 151, 207.

¹⁰ *Hellie R.* Enserfment and Military Chang in Muscovy. Chicago; London, 1971. P. 227.

¹¹ *Hellie R.* The Economy and Material Culture in Russia, 1600–1725. Chicago, 1999. P. 474.

¹² *Hellie R.* Russia, 1200–1815 // *The Rise of the fiscal state...* P. 492–493.

более 7 млн злотых¹³. Однако в дальнейшем магнатория упорно сопротивлялась проведению новой переписи для взимания поземельного налога («ланове»), провалив предложения так называемой «Варшавской депутации» в 1627 г. В результате сумма поземельного налога, собранного в 1629 г. (267 тыс. злотых), несущественно превышала его сумму, собранную в 1578 г. Дополнительно введенный налог с очагов, взимаемый с 1629 по 1661 г., не зависел от имущественной состоятельности хозяев, и, хотя он был по размерам на 74% больше земельного налога, доход от него не оправдывал ожиданий. Именно местные сеймики принимали решение о способе повышения налога, и они обычно выбирали поземельный налог. А. Филипчак-Кочур показала, что конверсия поземельного налога в налог с очагов породила хаос в фискальной системе Речи Посполитой¹⁴. Эти и другие данные о фискальной политике европейских держав в период Тридцатилетней войны свидетельствуют о противоположных тенденциях: как значительном росте экстраординарных налогов, так и трудностях с их имплементацией и сбором.

Фискальная система Русского государства в описываемое время эволюционировала в направлении, противоположном траектории развития его потенциального соперника. В период обострения геополитической обстановки правительство было способно создать новое учреждение, как это произошло с Приказом сбора ратных людей, начавшим свою работу, видимо, в ноябре 1637 г. в условиях захвата Азова донскими казаками и ответных набегов крымских татар. Именно этот приказ должен был собирать даточных людей с дворцовых и частновладельческих земель «неслужилых» людей, а с черных людей (посадских и черносошных крестьян) — деньги на жалование ратным людям. Сравнив различные виды налоговых поступлений, автор этих строк пришел к выводу, что сбор денег «ратным людям на жалованье» путем изъятия свободных денежных средств у торгово-промышленного населения, невзирая на некоторые просчеты в определении потенциальных сумм сбора, принес ощутимые результаты. Собранные экстраординарные налоги немедленно использовались на выплаты жалования служилым людям в городах Белгородской черты, численность гарнизонов которых стремительно росла.

Только посредством кассы Денежного стола в 1638–1640 гг. служилые люди, находившиеся в оперативном управлении Разряда, получили не менее 66 678 руб., что составляло около 75% от суммы поступлений с посадов и черносошных крестьян в бюджет Приказа сбора ратных людей. Конечно, завышенные цифры «подымного» сбора не позволили превратить его в постоянный, и в дальнейшем правительство не riskнуло поднимать ставку подворного налога выше 20 гривен. Однако требуемый результат был достигнут, изъятые у тяглого населения деньги были использованы на постройку городов на Засечной черте и содержание их гарнизонов, что позволило закрыть границу от вторжений крымских татар в самый напряженный момент русско-турецкого противостояния из-за Азова. Для правительства важнейшим результатом сбора подворных денег Приказом сбора ратных людей стало то, что был выявлен потенциал для наращивания политики фискального принуждения, и правительство резко повысило сошные оклады ямских и стрелецких денег. Как резонно предположил С.Б. Веселовский, в 1640/41 г. оклад ямских денег был повышен с 534 до 726 руб. с сохи, а оклад стрелецкого хлеба для большей части территории страны (за исключением Поморья) был увеличен в 3,5 раза, составив 672 руб. с сохи¹⁵.

Эксперимент с введением новых экстраординарных налогов в конце 1630-х годов оказался переломным моментом становления военно-фискального государства в России XVII в. Как показал обзор историко-социологической литературы, ни одно из европейских государств раннего Нового времени не смогло избежать трудностей с взиманием налогов; все они в той или иной степени были вынуждены вводить экстраординарные налоги. Именно с 1630-х годов российский административный аппарат претерпел существенные изменения в способах фискального принуждения и помог стать России в отличие от Речи Посполитой¹⁶ значимой силой в Восточной Европе. Если военно-политическое противостояние этих держав в годы Смоленской войны 1632–1634 гг. завершилось неудачно для России, то Тринадцатилетняя война 1654–1667 гг. продемонстрировала

¹⁵ Веселовский С.Б. Сошное письмо. Т. 1. М., 1915. С. 161, 417.

¹⁶ Нагельский М. Великая Смута и Потоп в контексте поиска выхода из кризисных ситуаций // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы российско-польской научной конференции. М., 2016. С. 144–163.

¹³ Filipczak-Kocur A. Skarbowość Rzeczypospolitej 1587–1648. Warszawa, 2006. S. 126–128.

¹⁴ Filipczak-Kocur A. Poland-Lithuania before Partition // The Rise of the fiscal state... P. 456–457.

безусловное доминирование Русского государства, которое не только вернуло отторгнутые в начале XVII в. западные земли, но смогло установить протекторат над украинским Гетманством, вскоре инкорпорированным в состав России¹⁷.

Библиография / References

Аракчеев В.А. Фискальные инновации в России во второй четверти XVII в. и европейский контекст // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 6–13.

Веселовский С.Б. Сошное письмо. Т. 1. М., 1915.

Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1905.

Нагельский М. Великая Смута и Потоп в контексте поиска выхода из кризисных ситуаций // Смуты в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы российско-польской научной конференции. М., 2016. С. 144–163.

Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009.

Arakcheev V.A. Fiscalnye innovatsii v Rossii vo vtorii chetverti XVII v. i evropeiskii kontekst [Fiscal innovations in Russia in the second quarter of the 17th century and the european context] // Uralskii istoricheskii vestnik [Ural historical journal]. 2018. № 4 (61). S. 6–13. (In Russ.)

Veselovskiy S.B. Soshnoe pismo [Discription of the land of "sokhami"]. Moskva, 1915. T. 1. (In Russ.)

Milukov P.N. Gosudarstvennoe hoziaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII v. i reforma Petra Velikogo [Ehe state economy

of Russia in the first quarter of the 18th century and the reform of Peter the Great]. St Petersburg, 1905. (In Russ.)

Nagel'sky M. Velikaia Smuta i Potop v kontekste poiska vykhoda iz crizisnykh situatsii [The Great Troubles and the Flood in the context of finding a way out of crisis situation] // Smuta v Rossii i Potop v Rechi Pospolitoj: opyt preodoleniya gosudarstvennogo krizisa v XVII stoletii. Materialy rossiysko-pol'skoy nauch. konf. [The Troubles in Russia and the Flood in the Polish-Lithuanian Commonwealth: the experience of overcoming the state crisis in the 17th century. Materials of the Russian-Polish scien. conf.]. Moskva, 2016. S. 144–163. (In Russ.)

Tilly C. Prinuzhdeniye, kapital i yevropeyskiye gosudarstva. 990–1992 gg. [Coercion, capital and European states. 990–1992]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Filipeczak-Kocur A. Skarbowość Rzeczypospolitej 1587–1648. Warszawa, 2006.

Filipeczak-Kocur A. Poland-Lithuania before Partition // The Rise of the fiscal state in Europe, 1200–1815. Oxford, 1999. P. 443–480.

Hellie R. Enserfment and Military Chang in Muscovy. Chicago; London, 1971.

Hellie R. Russia, 1200–1815 // The Rise of the fiscal state in Europe, 1200–1815. Oxford, 1999. P. 481–505.

Hellie R. The Economy and Material Culture in Russia, 1600–1725. Chicago, 1999.

Pamuk S. The evolution of fiscal institutions in the Ottoman Empire // The Rise of fiscal states: Global history 1500–1914. Cambridge, 2012. P. 304–332.

The Rise of the fiscal state in Europe, 1200–1815. Oxford, 1999.

The Rise of fiscal states: Global history 1500–1914. Cambridge, 2012.

DOI: 10.31857/S013038640016564-8

© 2022 г. В.С. Еремин

ОТ КОМПРОМИССА К НЕПРИМИРИМОСТИ: НАПОЛЕОН И ПИЙ VII

Рец. на книгу: А.А. Caiani. TO KIDNAP A POPE. NAPOLEON AND PIUS VII. New Haven; London: Yale University Press, 2021. 376 p.

Еремин Владимир Станиславович — старший научный сотрудник Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия).

E-mail: ereminvt@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9232-7355

Источник финансирования: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00113.

¹⁷ Подробнее см.: *Аракчеев В.А.* Фискальные инновации в России во второй четверти XVII в. и европейский контекст // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 6–13.